

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 718-729
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.718

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russian Empire as a Colonial Empire: the Kazakh Context

Yerkin A. Abil ^{a, *}, Amanzhol Kuzembayuly ^b

^a Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^b A. Baitursynov Kostanay Regional University, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the colonial character of the Russian Empire within the framework of contemporary comparative imperial and postcolonial studies. It addresses ongoing historiographical debates concerning the nature of Russia's imperial expansion and critically engages with interpretations that deny or relativize its colonial dimension, particularly the concept of Russia's "self-colonization". Drawing on a broad corpus of historiographical works, imperial-era scholarly and reference publications, and post-Soviet research, the study employs comparative-historical and discourse-analytical methods to reassess the structural features of Russian imperial rule.

The analysis demonstrates that the continental form of Russia's expansion does not negate its colonial character but rather represents a specific spatial modality of colonialism. The article argues that key characteristics of classical colonial empires – such as institutional and legal asymmetry between the center and the periphery, extractive economic relations, and cultural hierarchization – were also intrinsic to the Russian imperial model. Particular attention is paid to the territory of present-day Kazakhstan, which is interpreted as part of the colonial space of the Russian Empire. The incorporation of Kazakh lands involved military conquest, the establishment of special administrative regimes, restrictions on political representation, and the reorientation of the regional economy toward the needs of the metropolitan center.

The study concludes that integrating the Russian imperial experience, including Kazakhstan, into the global history of colonialism allows for a more nuanced and analytically grounded understanding of imperial governance, beyond national-centered or ideologically driven narratives.

Keywords: Russian Empire, colonialism, continental empire, comparative imperiology, Kazakhstan, colonial expansion, metropolis and periphery, colonial discourse, internal colonization, postcolonial studies.

1. Введение

Вопрос о характере Российской империи и природе её территориальной экспансии занимает одно из центральных мест в современной историографии империй и колониализма. Начиная с конца XX века, в рамках сравнительно-исторических и постколониальных исследований утвердилось понимание империи как особого типа политического образования, основанного на институциональной, правовой, экономической и культурной асимметрии между метрополией и зависимыми территориями (Howe, 2002: 30). В этом контексте Российская империя всё чаще рассматривается не как исключительный или «особый» исторический случай, а как континентальная колониальная держава, функционально сопоставимая с западноевропейскими империями Нового времени.

Несмотря на значительный прогресс в изучении имперской проблематики, вопрос о колониальном статусе Российской империи продолжает оставаться предметом острых научных и идейных дискуссий. Особенно противоречивым он является в отношении территорий Центральной Азии и Казахстана, чьё включение в состав империи сопровождалось военным завоеванием,

* Corresponding author

E-mail addresses: yerkinabil@gmail.com (Y.A. Abil), topai240345@mail.ru (A. Kuzembayuly)

демонтажем местных политических институтов, установлением особых административных режимов и глубокой социально-экономической трансформацией. В то же время в постсоветской российской историографии получила распространение теория «самоколонизации», а также подходы, отрицающие или релятивизирующие колониальный характер Российской империи, апеллируя к её континентальному характеру, отсутствию заморских владений и предполагаемому отсутствию чёткого дуализма «метрополия – колония».

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью критического анализа данных интерпретаций и их сопоставления с эмпирическим материалом и достижениями современной сравнительной историографии. Отрицание колониального характера Российской империи, равно как и концепция «самоколонизации», нередко воспроизводят ключевые элементы самого имперского дискурса, нивелируя историческую субъектность присоединённых обществ и деисторизируя опыт колонизированных регионов. В условиях постимперского и постсоветского контекста такие интерпретации выполняют не только академическую, но и политико-символическую функцию, влияя на формирование исторической памяти и рамки допустимого научного обсуждения.

Научная новизна исследования заключается в системном сопоставлении российской имперской практики с классическими моделями колониализма XIX – начала XX вв., а также в интеграции казахстанского материала в более широкий глобальный контекст имперских и колониальных исследований. Принципиально важным является отказ от априорно оценочных, эмоционально нагруженных трактовок понятий «империя» и «колония» и их использование в качестве аналитических категорий, описывающих специфические формы власти, пространственной интеграции и социально-экономической иерархии.

Таким образом, обсуждение проблемы направлено на преодоление национально-центричных и идеологизированных интерпретаций имперского прошлого и на формирование методологически взвешенного подхода к изучению истории Российской империи и Казахстана в её составе, что открывает возможности для более точного и продуктивного диалога между региональной и глобальной историографией колониализма.

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирическую основу исследования составляет комплекс разнородных источников и материалов, позволяющих проанализировать колониальный характер Российской империи в сравнительной и междисциплинарной перспективе, с особым вниманием к территории дореволюционного Казахстана. Используемая источниковая база условно подразделяется на несколько взаимодополняющих блоков.

Во-первых, это корпус историографических источников конца XIX – начала XXI вв., включающий труды западных, российских, советских и постсоветских исследователей, посвящённые проблематике империй, колониализма, «внутренней колонизации» и сравнительной империологии. Анализируются как классические работы (Ф.А. Голдер, П. Галузо, Г. Сафаров, С. Соловьёв, В. Ключевский), так и исследования новейшего периода (Д. Ливен, А. Каппелер, С. Хау, Ж. Кундакбаева и др.), что позволяет проследить эволюцию научных интерпретаций и выявить устойчивые дискурсивные конструкции в осмыслении имперского опыта России.

Во-вторых, важную часть эмпирического материала составляют публицистические, научные и справочные издания имперского периода (географические и статистические труды, энциклопедические словари, отчёты научных и хозяйственных обществ, материалы выставок), в которых отражён официальный и полуофициальный дискурс об «окраинах», «колонизации», «туземном населении» и цивилизационной миссии империи. Эти тексты рассматриваются как носители колониального знания и инструменты символической легитимации имперского господства.

В-третьих, в исследовании используются материалы советской и постсоветской историографии Казахстана, включая работы, прямо трактующие имперский период как колониальный, а также исследования, сознательно избегающие данного термина. Их анализ позволяет выявить влияние идеологических и политико-символических факторов на интерпретацию колониального прошлого и проследить трансформацию исследовательских парадигм в постсоветском контексте.

2.2. Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных исторических методов. Ключевым является историографический метод, применяемый для анализа эволюции научных представлений о природе Российской империи, выявления конкурирующих концепций (колониальной, «самоколонизационной», интеграционистской) и оценки их эвристического потенциала и методологических ограничений.

Центральное место занимает сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить практики и структуры Российской империи с моделями западноевропейских колониальных держав XIX – начала XX вв. (Британской, Французской, Испанской и др.). В рамках данного подхода сравниваются механизмы территориальной экспансии, формы административного контроля, экономические отношения центра и периферии, а также дискурсивные стратегии легитимации власти. Это позволяет выйти за рамки национально-центричного анализа и включить российский материал в глобальную историю колониализма.

Важную роль играет дискурсивный анализ, применяемый к официальным документам, научным и публицистическим текстам, с целью выявления устойчивых нарративов о «цивилизационной миссии», «отсталости» периферии и «естественности» имперского расширения. Данный метод позволяет показать, каким образом язык власти и науки воспроизводил и нормализовал колониальные иерархии.

В целом сочетание разнородной эмпирической базы и комплексной методологии обеспечивает многомерный анализ имперского опыта России и позволяет аргументированно рассматривать территорию дореволюционного Казахстана как часть колониального пространства Российской империи, избегая при этом редукционизма и априорно оценочных интерпретаций.

3. Обсуждение

В российской историографии значительный вклад в развитие сравнительного имперского подхода внесли исследования, в которых Россия рассматривается как многонациональное и многоконфессиональное образование с устойчивой иерархией центров и окраин. Анализ современной российской империологии сделан Ж. Кундакбаевой. Она, в частности, отмечает, что первые серьезные дискуссии имели место еще в 1994–1996 гг. на страницах журнала «Родина». Ключевым итогом данной дискуссии стала своего рода «реабилитация» понятия «империя» в глазах российских обществоведов (Кундакбаева, 2011).

Существенный импульс развитию исследований придала международная конференция «Имперская Россия: границы, окраины, самосознание», состоявшаяся в 1994 г. в Казани. Итогом работы семинара стало осознание империи как многомерного пространства, в рамках которого процессы, разворачивающиеся в различных измерениях, могут как взаимно дополнять друг друга, так и вступать в острые противоречия (Гаспаров, 1997). Конференция Российской академии наук 1996 г. подвела итоги исследований по имперской проблематике и зафиксировала основные направления дальнейшего развития данной области (Сахаров, 1999). Важным центром дискуссий о характере российской имперской модели стал журнал «Ab Imperio», основанный в 2000 году в Казани. Добавим к этому, что «имперский поворот» в российской историографии совпал с активизацией постколониального дискурса в мировой исторической науке (Иллерицкая, 2023).

Отметим, что в российской историографии после длительных дискуссий закрепилось понимание империи как многонационального государства, общества, состоящего из разных этнических групп с собственными историческими, культурными, религиозными традициями. П. Марченя считает империю исторически обусловленной системой взаимодействия народа и власти в России (Марченя, 2013: 118). Он определяет империю как государство, осознавшее свою роль во всемирной истории и целенаправленно выполняющее ее как Миссию, находящуюся превыше локальных («всего лишь государственных») интересов. В основе исторического существования любой Империи лежит идея служения Императиву, объединяющему населяющие ее народы во имя реализации Добра и противостояния Злу, считает он, придавая феномену империи социально-философский смысл (Марченя, 2013: 128). С.В. Лурье определяет империю как открытую динамическую гетерогенную систему, находящуюся в состоянии неустойчивого равновесия, как политико-культурный феномен, требующий нейтральной оценки с учетом различных аспектов имперского строительства и имперской практики (Лурье, 2012: 16-20). Она предлагает употреблять понятие «империя» без оценочных суждений, в качестве категории, описывающей определенную форму многонационального государства, использовавшего разнообразные формы и методы интеграции восточных областей в состав России.

Англо-американская школа империологии, начиная с Ф.А. Голдера, считала Россию классической колониальной империей. Альфред Голдер, в частности, сводил все аспекты российской политики в Азии к военной экспансии (Попов, 2025). М.Б. Олкотт квалифицирует продвижение России в Казахской степи как «завоевание» («conquest»). По ее мнению, характер колониального администрирования отчетливо проявляется в реформах второй половины XIX в., а одним из наиболее разрушительных инструментов колониального воздействия стала земельная политика (Olcott, 1987: 28, 87). Б.Ф. Манц также считает, что после военного завоевания Центральной Азии российская политическая элита рассматривала регион не как интегрированную часть государства, а как объект колониального владения (Manz, 1994: 190).

Турецкий исследователь Н. Девлет подчеркивает, что стратегическая цель российской политики совпадала с целями других крупных империй Нового времени и заключалась в аннексии новых территорий. Колониальный характер российской политики проявлялся не только в военной экспансии, но и в экономическом использовании присоединенных территорий. «Главной целью российской политики было аннексирование новых территорий, подобно Британской империи или другим крупным империям» (Devlet, 2002: 44-46).

Справедливости ради необходимо отметить, что исследователи отмечали специфику российского имперского проекта. Так, А. Каппелер считает, что выработанные на материалах европейских колониальных империй подходы не всегда корректны при изучении российской имперской модели (Каппелер, 2000: 12). Однако в этой же работе он выделяет главу об экспансии

Российской империи на Кавказе и в Центральной Азии как «Колониальная экспансия в Азию в XIX в.» и отмечает, что с завоеванием Коканда, Хивы и Бухары «Россия ... окончательно вошла в круг европейских колониальных держав» (Каппелер, 2000: 146). Он отмечает, что местное население по своему статусу стало «колониальными народами, сегрегированными от русских» (Каппелер, 2000: 147), а экономическая политика в регионе носила классический колониальный характер (Каппелер, 2000: 148).

Британский историк А. Моррисон, неоднократно полемизировавший с российскими коллегами, указывает на сохраняющиеся методологические проблемы в изучении присутствия Российской империи в Центральной Азии как в российской, так и в западной историографии. Любые попытки сопоставления российского империализма с европейскими имперскими практиками, как правило, встречают у российских исследователей резкое неприятие (Моррисон, 2015: 70-71). Характеризуя российский колониализм, Моррисон отмечает, что разграничение между метрополией и колонией, а также между подданным и гражданином в России было менее отчетливым, чем в Британской и Французской империях, прежде всего вследствие отсутствия морского барьера. Тем не менее такое разделение существовало в правовом, административном и массовом сознании и в течение XIX века становилось все более выраженным. В подтверждение сходства колониальных практик западных держав и Российской империи он указывает, что около 60 % мусульманского населения империи – в Степном крае, на Северном Кавказе и в Средней Азии – проживали в регионах, находившихся под военным управлением (Morrison, 2021).

В целом, несмотря на отказ некоторых авторов от характеристики Российской империи как колониальной, фактически эти работы подчёркивают, что специфика континентальной экспансии не отменяет колониального характера империи, а лишь придаёт ему иные пространственные формы. Понятия «внутренняя колонизация» и «империя без заморских колоний» используются для описания тех же структурных неравенств, которые характерны для классического колониализма.

4. Результаты

Важным элементом сравнительного анализа является колониальный дискурс. В этом отношении Российская империя демонстрирует значительное сходство с другими империями Нового времени: формирование иерархизированного знания о «отсталых» народах, использование языка цивилизационной миссии и представление имперского контроля как исторически необходимого и прогрессивного. Постколониальные исследования подчёркивают, что подобный дискурс служил универсальным инструментом легитимации имперского господства вне зависимости от конкретной географической конфигурации империи.

Мы можем наблюдать, как в официальном и общественном дискурсе самой Российской империи боролись две тенденции – отрицание колониального статуса империи со стороны власти и фактическое ее признание со стороны как официальных лиц, так и широкого круга авторов различной общественно-политической ориентации. В частности, можно привести взгляды русского географа, одного из основателей статистической науки в России К. Арсеньева. В своем капитальном труде «Статистические очерки России», увидевшем свет в 1848 году он писал: «Все ... неудобства и затруднения от великого протяжения и от широких границ представляются нам в ином виде, если мы примем Сибирь и весь Закавказский край, самую природой отделенные от собственно России, колониями Русскими, которые весьма важны для метрополии в политико-экономическом отношении ... Сибирь есть истинная колония земледельческая, металлоносная и коммерческая; рассматриваемая под сим видом она имеет преимущество пред колониями других государств Европейских, не отделяясь от метрополии ни Океанами, ни посторонними владениями. Закавказский край равным образом может быть назван колониюю нашею» (Арсеньев, 1848: 35). Кроме того, он проводит прямые аналогии между казачьим завоеванием Сибири и действиями конкистадоров в Америке, называя Ермака «русским Кортесом» (Арсеньев, 1848: 37). Учитывая, что К. Арсеньев был одним из учителей будущего императора Александра II, сопровождал его в поездке по России и был членом Совета министра внутренних дел, его взгляды можно считать близкими к официальным. Кстати, К. Арсеньев не включал казахские степи в состав собственно Российской империи, описывая границу последней как проходящую по Оренбургской пограничной линии и землям Среднего жуза (Арсеньев, 1848: 14-16).

Кавказ и Туркестан названы колониями России в очерке сотрудника Императорского Вольного экономического общества, члена Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей и Императорского Российского общества садоводства В.Э. Иверсена о посещении кавказского и туркестанского отделов Московской политехнической выставки (Иверсен, 1873: 204). В. Воцинин в своих очерках назвал Туркестан «богатейшей и, пожалуй, единственной настоящей колонией» России (Воцинин, 1914: 13).

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона обходил вниманием термин «колония», объясняя это понятие через термин «колонизация». Последняя понималась как «массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства. Результатом такого заселения является колония или колониальное государство, находящееся в той или иной зависимости от метрополии, т.е. государства, из которого вышли поселенцы»

(Андреевский, 1895: 736). Анализируя разные виды колонизации, автор статьи Н. Романов, особо отмечает немецкий термин «innere Kolonisation», т. е. «внутренняя колонизация», что соотносится с русским понятием «переселение» (Андреевский, 1895: 737). Отдельно энциклопедия рассматривает колонизацию собственно России, которая описывается как процесс, имевший место «на всем протяжении русской истории» и составляющий «одну из самых характерных черт ее» (Андреевский, 1895: 740).

Российский официальный дискурс, как мы уже отмечали, отрицал колониальный статус Российской империи. Само понятие «колония» объяснялось прежде всего, как «заморские» владения европейских держав. В частности, в «Военной энциклопедии» 1911–1915 гг. колония определялась как владения государства, не входящая в состав ее сухопутных границ и связанное с метрополией морским сообщением. Соответственно, отмечалось, что «Россия, обладающая еще огром(ным) запасом свобод(ных) земель, заключенных в общей сухопут(ной) границе, не имеет (колоний)» (Новицкий, 1913: 41-42).

Понятие «внутренняя колонизация», перенесенная на российскую почву из немецкого общественно-политического дискурса, прижилось и стало распространенной характеристикой процесса расширения Российской империи. Концепция С. Соловьева, выраженная в фразе "русская история есть история страны, которая колонизируется" была осмыслена В. Ключевским, считавшим колонизацию самой себя основным фактом русской истории. Благодаря этому «колонизация» как переселение православного славянского населения на новые территории прочно вошло в официальный дискурс. В 1907–1917 годах издавался журнал «Вопросы колонизации», в 1908 году была издана книга «Журнал совещания по вопросам, касающимся колонизации дальневосточных областей», в 1911 «Вопросы колонизации Приамурского края» и пр. Однако, распространение понятия «колонизация» не означало распространения понятия «колония».

Исключение составляли работы сибирских областников, использовавших термин «колония» для характеристики статуса сибирских владений России. Н.М. Ядринцев, рассматривал колонизацию имперских окраин как процесс хозяйственного освоения территорий (Ядринцев, 1882). Г.Н. Потанин пришел к выводу, что Сибирь являет собой классический образец земледельческой колонии. В понятие «колонизация» он вкладывал два смысла. С одной стороны, это процесс освоения новых земель, с другой – политика метрополии по отношению к колониям. История освоения Сибири – это колонизация в обоих смыслах (Потанин, 2005).

По мнению А. Масозро определение окраинных территорий России как колоний вызывало подозрение в царской политической традиции, т.к. колонии были для европейской политической традиции не только источником богатства и престижа, но и обществами, потенциально способными развиваться независимо (Масозро, 2016: 345). Д. Шорковиц, в свою очередь, объясняет это опасениями российской власти, что распространение дискурса о колониальном статусе окраин может разрушить формируемое представление о «единости» и «неделимости» территории империи (Шорковиц, 2021: 98). Это опасение было хорошо сформулировано Н. Данилевским, утверждавшим, что назвать земли колониями означало неявно признать существование ряда «не-Россий в составе России» (Данилевский, 1991).

Что интересно, подобный дискурс был характерен не только для представителей Российской империи. Британский историк Джон Роберт Сили, известный как апологет колониальной политики Британской империи и ее цивилизаторской роли для народов, не способных к самостоятельному развитию, настаивал на том, что расширение Британии является не захватом колоний, а расширением Английского государства за пределы Британских островов (Сили, 1903). Он писал: «Великая Британия вовсе не является империей в обычном смысле этого слова. Рассматривая отдельно колониальную часть Великой Британии, мы находим естественный рост, просто нормальное распространение английской расы на новых, большей частью слабо заселенных землях... Оно создает не собственно империю, а просто обширное государство» (Сили, 1903: 229).

Таким образом, в рамках имперского дискурса XVIII – начала XX века регионы Азиатской России зачастую осмыслялись как особые, «инаковые» территории. В общественном сознании и бюрократической практике они нередко маркировались если не как «не-Россия», то, по крайней мере, как «другая Россия» – пространство, требующее специфических методов управления, колониальной администрации и цивилизационной миссии. Подобная дифференциация отчетливо фиксируется в языке официальных документов, публицистике и научных сочинениях эпохи, где устойчиво воспроизводилось противопоставление «внутренних губерний» и «окраин».

Победа в России большевиков сняла ограничение на использование понятия «колония». Еще в 1915 году В. Ленин в своей работе «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)» относил Россию к колониальным державам, определяя как колонии более трех четвертей территории империи (Ленин, 1969: 314). После революции в общественном дискурсе закрепились понятие «тюрьма народов», «колониальная политика царизма», «колонизаторы» т.п. (Виткинд, 1929; Окунь и др., 1935; Парсамян, 1940; Петрушевский, 1936; Рамазанов, 1956; Егунов, 1963). Одним из пионеров в обосновании колониального характера политики Российской империи на окраинах, в частности,

в Туркестане был Г. Сафаров. В его труде «Колониальная революция (Опыт Туркестана)» отдельный раздел был озаглавлен «Туркестан-колония» (Сафаров, 1921: 47).

Большой вклад в теоретическое обоснование колониального характера Российской империи был Петр Григорьевич Галузо. В очерке с говорящим названием «Туркестан-колония», подготовленном на основе доклада в Институте красной профессуры, П. Галузо рассматривает саму причину проникновения России в Центральную Азию как «одну из струй «расхвата» колоний во вторую половину XIX века» (Галузо, 1929). Сама колониальная политика России в регионе, по мнению автора начинается именно в заинтересованности власти в нем как в будущей колонии. Позже эти взгляды были значительно доработаны и переосмыслены в других его работах (Галузо, 1963; Галузо, 1968).

Трактовка статуса Казахстана как колонии Российской империи присутствует в работах С. Асфендиярова, назвавшего имперский период истории края «колониальным» (Асфендияров, 1935: 9); М. Вяткина, обозначившего данный период как период феодально-колониальной эксплуатации (Вяткин, 1941: 194); Н. Апполовой, применявшей термин «колония» применительно к статусу Казахстана в XIX веке (Апполова, 1948); Е. Бекмаханова, широко применявшего в своих работах понятия «колониальная политика царизма», «колониальная администрация» (Бекмаханов, 1957); Б. Сулейменова, характеризовавшего Казахстан как регион, полностью включенный в систему колониальной эксплуатации Российской империи, где социально-экономические процессы определялись интересами метрополии, а не внутренним развитием края (Сулейменов, 1963).

В целом, дискурс, выработанный в советской науке, продолжает сохраняться и в постсоветских странах, за исключением России. Лишь в недавно в казахстанской историографии появились первые попытки поставить под сомнение колониальный статус Казахстана в имперский период. Авторы монографии «Новый взгляд на старую эпоху: Казахская степь и Российская империя через призму статистики» избегают использования термина "колониализм", подчеркивая сложность исторической ситуации и наличие как элементов колониального управления, так и автономных процессов. "Ситуация с Казахстаном в составе Российской империи представляет собой сложную комбинацию различных факторов, и мы предлагаем рассматривать её через более широкую аналитическую призму, избегая узкого применения термина "колониализм" – пишут они (Мармونتова и др., 2024).

Мы видим в этом влияние современного российского постколониального дискурса. В постсоветской российской исторической науке стали со временем господствовать две связанные тенденции. Одна – продолжение теории «самоколонизации» России (Эткинд, 2013). Вторая связана с отрицанием колониального характера Российской империи (Большакова, 2019). Мы можем говорить о существовании современной теории «самоколонизации» России как интерпретационной концепции в истории, культурологии и постколониальных исследованиях, согласно которой Российское государство на протяжении своей истории осуществляло колонизационные практики преимущественно по отношению к «внутренним» территориям, а не только (и не столько) к внешним, завоеванным регионам.

Так, Д.В. Васильев различает понятия «колониальная политика» и «колонизационная политика», первая имеет военно-политический смысл, вторая – хозяйственно-экономический. При этом применительно к Казахстану он отрицает возможность применения понятия «колония» так как эти территории становятся составной частью Российского государства и не могут считаться «колониями», к ним применим более универсальный термин – «национальные окраины» (Васильев, 2022). Таким образом, территория Казахстана фактически ретроспективно лишается субъектности.

В работах А. Ремнева, А. Быкова, В. Моисеева ставится под сомнение правомочность характеристики внутренней политики Российской империи по отношению к осваиваемым периферийным территориям как «колониальной» по своей сути (Ремнев, 2011; Быков, 2023; Моисеев, 2001). В рамках данного подхода утверждается, что граница между метрополией и колонией в российском случае была размыта или отсутствовала, поскольку эксплуатация, насилие и культурная иерархизация распространялись внутрь самого государства. Утверждается, что в Российской империи отсутствует классический дуализм метрополия-колония, в отличие от западноевропейских колониальных империй (Британской, Французской, Испанской), Россия, согласно данной теории, не имела четко оформленной метрополии, противопоставленной заморским колониям. Соответственно, понятия «метрополия-колония» заменяются на «центр-периферия» (Миллер, 2006).

Отрицание колониального характера Российской империи, как правило, опирается на узкое определение колониализма, сведенное к заморским владениям, игнорирование сравнительно-имперских исследований, ретроспективное принятие имперского дискурса как аналитически нейтрального, отказ признавать субъектность присоединенных обществ до их включения в состав империи. Колонизация ретроспективно представляется как «изначальная принадлежность» или «естественное расширение».

Ключевые аргументы этого дискурса следующие:

1. Тезис о континентальной империи. Российская экспансия интерпретируется как «естественное» территориальное расширение в пределах единого континентального пространства, что, в отличие от заморских империй Западной Европы, якобы исключает её колониальный характер.

2. Концепция органического присоединения. Инкорпорация Сибири, Кавказа, Центральной Азии и степных регионов представляется как интеграция пограничных земель, тогда как военное завоевание, насильственное подчинение и ликвидация местной государственности маргинализируются либо оправдываются «исторической необходимостью».

3. Сведение империи к национальному государству. Империя ретроспективно описывается как расширенная форма «исторической России», что стирает границу между метрополией и присоединёнными территориями и переводит отношения господства в категорию внутреннего управления.

4. Редукция колониального измерения к социальному. Насилие и эксплуатация трактуются преимущественно как классовые или сословные, что подменяет колониальный анализ социально-экономическим и нивелирует асимметрию между русским центром и нерусской периферией.

5. Аргумент «цивилизационной миссии». Имперская политика оправдывается распространением порядка, культуры и прогресса – риторикой, воспроизводящей классический колониальный дискурс при одновременном отрицании самого факта колониализма.

Подходы «самоколонизации», «центра-периферии» и пр., претендуя на критическое переосмысление имперского наследия, фактически воспроизводят базовые установки архаичного имперского дискурса, отрицая внешнюю колониальную экспансию и историческую субъектность присоединённых обществ. В постимперском и постсоветском контексте подобное отрицание выполняет также политико-символическую функцию, позволяя избегать обсуждения колониальной ответственности и асимметрий исторической памяти. В обоих случаях результатом становится деисторизация опыта колонизированных обществ (включая казахское) и воспроизводство имперского дискурса в аналитической форме.

Мы убеждены в том, что в рамках современной сравнительной историографии Российскую империю можно интерпретировать как колониальную державу, сопоставимую с другими империями XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ позволяет выявить не только различия между континентальными и заморскими империями, но и их фундаментальное сходство, выражающееся в асимметрии власти, экономической эксплуатации и культурной иерархизации. Такой подход создаёт методологическую основу для включения истории Российской империи в глобальную историю колониализма и империй, а казахские земли – ее колонией.

5. Заключение

Анализ воздействия Российской империи на территорию дореволюционного Казахстана требует методологически взвешенного подхода, предполагающего отказ от априорно эмоционально окрашенных – как негативных, так и апологетических – коннотаций понятий «империя» и «колония». В рамках современной исторической науки данные термины рассматриваются прежде всего как аналитические категории, фиксирующие специфические формы политического управления, пространственной интеграции и социально-экономической трансформации, а не как моральные ярлыки.

С точки зрения теории модернизации имперские образования Нового и Новейшего времени выступали важными агентами институциональных и технологических изменений на перифериях. Включение казахских степей в имперское пространство сопровождалось внедрением административно-территориального деления, формированием бюрократического аппарата, кодификацией правовых практик, развитием инфраструктуры (пути сообщения, почтово-телеграфная связь), а также институционализацией светского образования и медицины. Эти процессы, при всей их неоднородности и противоречивости, соответствовали логике «имперской модернизации», в рамках которой центр стремился унифицировать управление и повысить управляемость периферий.

В то же время признание модернистского эффекта не тождественно его нормативной оценке. Колониальный характер имперского присутствия выражался в асимметрии политического представительства, в перераспределении ресурсов в пользу метрополии, в ограничении традиционных форм самоуправления и в социально-культурной иерархизации. Эти черты позволяют квалифицировать дореволюционный Казахстан как часть колониального пространства империи, не сводя при этом колониальность исключительно к эксплуатации или насилию и не отрицая наличия структурных изменений, имевших долгосрочные последствия.

Следовательно, продуктивный исследовательский подход предполагает аналитическое разведение понятий «империя» и «колония» с их оценочными интерпретациями. Отказ от эмоционально нагруженных дихотомий («империя как абсолютное зло» или «империя как безусловный модернизатор») открывает возможность более точного анализа: выявления конкретных механизмов имперского управления, каналов трансфера институтов и знаний, а также форм адаптации и сопротивления со стороны местных сообществ. Именно такая концептуальная нейтральность позволяет встроить казахстанский материал в широкий сравнительный контекст имперских и колониальных исследований и избежать редукционизма, характерного для идеологизированных нарративов.

6. Благодарности

Данное исследование реализуется в рамках проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № BR28713085 «Комплексное междисциплинарное исследование интеллектуальной истории XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа произведений казахстанских историков и литераторов»).

Литература

- Андреевский, 1895** – Энциклопедический словарь / издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; [под редакцией профессора И.Е. Андреевского]. Санкт-Петербург: типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1890-1907, Т. 15А. (30): Коала – Конкордия. 1895. С. 479-960.
- Апполова, 1948** – *Апполова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: АН КазССР. 1948. 255 с.
- Арсеньев, 1848** – *Арсеньев К.* Статистические очерки России. СПб.: Тип. Имп. Акад.наук. 1848. 503 с.
- Асфендияров, 1935** – *Асфендияров С.* История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата: Казакстанское краевое изд-во. 1935. 259 с.
- Бекмаханов, 1957** – *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. М.: АН СССР. 1957. 337 с.
- Большакова, 2019** – Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография : сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Большакова О.В. М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории. 2019. 180 с.
- Быков, 2023** – *Быков А.* Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731-1917 гг.) Т.1. М.: ИВ РАН. 2023. 464 с.
- Васильев, 2022** – *Васильев Д.В.* Поступь империи: Политика России в Центральной Азии: XIX – начало XX в. М.: Нестор-История. 2022. 636 с.
- Виткинд, 1929** – *Виткинд Н.Я.* Библиография по Средней Азии: (указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии). Москва: Изд-во Коммунистического университета трудящихся Востока им. И.В. Сталина. 1929. 165 с.
- Воццинин, 1914** – *Воццинин В.П.* Очерки нового Туркестана: Свет и тени русской колонизации. СПб.: типография «Наш век». 1914. 86 с.
- Вяткин, 1941** – *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. С древнейших времен по 1870 г. Т. 1. М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ. 1941. 368 с.
- Галузо, 1929** – *Галузо П.* Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М.: Издание Комм. Ун-та Трудящихся Востока имени И.В. Сталина. 1929. 235 с.
- Галузо, 1963** – *Галузо П.* К истории колониальной эксплуатации Казахстана в конце XIX – начале XX в. (На материалах южных районов Казахстана) / Об особенностях империализма в России. М.: Изд-во АН СССР. 1963. 440 с.
- Галузо, 1968** – *Галузо П.* Колониальная система российского империализма в канун Октябрьской революции / Казахстан в канун Октября. Алма-Ата : Наука Казахской ССР. 1968. 283 с.
- Гаспаров, 1997** – Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / Под ред. Б. Гаспарова. М.: О.Г.И. 1997. 414 с.
- Данилевский, 1991** – *Данилевский Н.* Россия и Европа. М.: Книга. 1991. 576 с.
- Егунов, 1963** – *Егунов Н.П.* Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. 1963. 315 с.
- Иверсен, 1873** – *Иверсен В.* Отчет о поездке на Московскую политехническую выставку // *Труды Императорского Вольного экономического общества.* Т. 1. 1873. С. 204-221, 507-525.
- Иллерицкая, 2023** – *Иллерицкая Н.В.* «Имперский поворот» в изучении российской истории: современные интерпретации // *Вестник РГТУ. Серия «История. Политология. Международные отношения».* 2023. № 4. Ч. 2. С. 158-169.
- Каппелер, 2000** – *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Москва: «Традиция» – «Прогресс-Традиция». 2000. 344 с.
- Кундакбаева, 2011** – *Кундакбаева Ж.Б.* Имперский алгоритм в изучении истории России: тенденции современной историографии / Сайт Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://iie.kz/?s=Кундакбаева&lang=kk>
- Ленин, 1969** – *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 26. Москва: Издательство политической литературы. 1969. 590 с.
- Лурье, 2012** – *Лурье С.В.* Imperium. Империя – ценностный и этнопсихологический подход. М.: АИРО-XXI. 2012. 217 с.
- Мармونتова и др., 2024** – *Мармونتова Т.В., Тажибаев А.Т., Дроговоз А.И.* Новый взгляд на старую эпоху: Казахская степь и Российская империя через призму статистики. Астана: ИП Булатов А.Ж. 2024. 191 с.

Марченя, 2013 – Марченя П.П. Концепт империи как предмет мультидисциплинарного исследования // *Философские исследования и современность*. Вып. 2. М.: ИД Акад. им. Н.Е. Жуковского. 2013. С. 117-136.

Масозро, 2016 – Масозро А. Колонизация в позднеимперской России: история понятия / Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научн. трудов. Омск: Полиграфический центр КАН. 2016. 480 с.

Миллер, 2006 – Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М.: НЛЮ. 2006. 607 с.

Моисеев, 2001 – Моисеев В.А. Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Барнаул: Алтайский университет. 2001. 172 с.

Моррисон, 2015 – Моррисон А. «Мы не англичане...» К вопросу об исключительности российского империализма // «Восток Свѣше». 2015. № 3 (XXXVIII). С. 69-78.

Новицкий, 1913 – Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца [и др.]. Т. 1-18 Санкт-Петербург: Т-во И.Д. Сытина, 1911-1915, Т. 13: Кобленц – Круз. 1913. 375 с.

Окунь и др., 1935 – Окунь С.Б. Дрезен А.К. Алькор Я.П. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архивных материалов. Ленинград: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР. 1935. 212 с.

Парсамян, 1940 – Парсамян В. Колониальная политика царизма в Армении. Ереван : Изд-во АрмФАН'а. 1940. 208 с.

Петрушевский, 1936 – Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. / Под ред. И.П. Петрушевского. Ч. 1. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. 1936. 463 с.

Попов, 2025 – Попов Е.В. Американская историография о проблемах "имперского проекта" в период переселенческой политики в России во второй половине XIX начале XX в // *Genesis: исторические исследования*. 2025. № 9. С. 97-107

Потанин, 2005 – Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири / Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3. Павлодар: ЭКО. 2005. 533 с.

Рамазанов, 1956 – Рамазанов Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала: б.и. 1956. 40 с.

Ремнев, 2011 – Ремнев А. Колониальность, постколониальность и "историческая политика" в современном Казахстане // *Ab Imperio*. 2011. №1. С. 169-205.

Сафаров, 1921 – Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М.: Государственное издательство. 1921. 234 с.

Сахаров, 1999 – Россия в XX в.: проблемы национальностей / Под ред. Сахарова А.Н., Михайлова В.А. М.: Наука. 1999. 450 с.

Сили, 1903 – Сили Дж.Р. Расширение Англии. Два курса лекций. СПб.: Издательство О. Поповой. 1903. 239 с.

Сулейменов, 1963 – Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начале XX в. (1867-1907 гг.). Алма-Ата: АН КазССР. 1963. 411 с.

Шорковиц, 2021 – Шорковиц Д. Была ли Россия колониальной империей? Часть 1 // *Nomadic civilization: historical research (Кочевая цивилизация: исторические исследования)*. 2021. 1(2): 86-104.

Эткинд, 2013 – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛЮ. 2013. 448 с.

Ядринцев, 1882 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург. 1882. 476 с.

Devlet, 2002 – Devlet N. Empires in Eurasia from Chingiz Khan to 20th Century. İstanbul, Yeditepe Üniv. Yay. 2002. 106 p.

Howe, 2002 – Howe S. Empire: A Very Short Introduction. Oxford University Press. 2002.

Manz, 1994 – Manz B.F. Central Asia in Historical Perspective. Westview Press. 1994.

Morrison, 2021 – Morrison A. The Russian conquest of Central Asia. A study in Imperial Expansion. 1814–1914. Cambridge University Press. 2021.

Olcott, 1987 – Olcott M.B. The Kazakhs. Stanford University Press. 1987.

References

Andreevskii, 1895 – Andreevskiy, I.E. (ed.) (1895). Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopaedic dictionary]. Izdateli: F.A. Brokgauz, I.A. Efron; [pod redaktsiei professora I.E. Andreevskogo]. Sankt-Peterburg: tipografiya Aktsionernogo Obshchestva Brokgauz-Efron, 1890-1907, T. 15A. (30): Koala – Konkordiya. Pp. 479-960. [in Russian]

Appolova, 1948 – Appolova, N.G. (1948). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka [The incorporation of Kazakhstan into Russia in the 1730s]. Alma-Ata: AN KazSSR. [in Russian]

Arsen'ev, 1848 – Arsen'ev, K. (1848). Statisticheskie ocherki Rossii [Statistical essays on Russia]. SPb.: Tip. Imp. Akad.nauk. 503 p. [in Russian]

- Asfendiyarov, 1935** – *Asfendiyarov, S.* (1935). *Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen)* [The history of Kazakhstan from Ancient Times]. T. 1. Alma-Ata: Kazakstanskoe kraevoe izd-vo. [in Russian]
- Bekmakhanov, 1957** – *Bekmakhanov, E.B.* (1957). *Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii* [Kazakhstan's Incorporation into Russia]. M.: AN SSSR. [in Russian]
- Bol'shakova, 2019** – *Bol'shakova, O.V.* (ed.) (2019). *Imperskii povorot v izuchenii istorii Rossii: Sovremennaya istoriografiya: sb. obzorov i referatov* [The Imperial turn in Russian history: contemporary historiography: a collection of reviews and abstracts]. Otv. red. Bol'shakova O.V. M.: RAN. INION. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. istorii. 180 p. [in Russian]
- Bykov, 2023** – *Bykov, A.* (2023). *Rossiiskaya politika v Stepnykh oblastiakh i transformatsiya kazakhskogo obshchestva (1731-1917 gg.)* [Russian Policy in the steppe regions and the transformation of Kazakh Society (1731–1917)]. T. 1. M.: IV RAN. [in Russian]
- Danilevskii, 1991** – *Danilevskii, N.* (1991). *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. M.: Kniga. [in Russian]
- Devlet, 2002** – *Devlet, N.* (2002). *Empires in Eurasia from Chingiz Khan to 20th Century*, 106 p. Istanbul, Yeditepe Üniv. Yay.
- Egunov, 1963** – *Egunov, N.P.* (1963). *Kolonial'naya politika tsarizma i pervyi etap natsional'nogo dvizheniya v Buryatii v epokhu imperializma* [The colonial policy of tsarism and the first stage of the national movement in Buryatia during the imperialist era]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. [in Russian]
- Etkind, 2013** – *Etkind, A.* (2013). *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonisation. Russia's imperial experience]. M.: NLO. [in Russian]
- Galuzo, 1929** – *Galuzo, P.* (1929). *Turkestan – koloniya (Ocherk istorii Turkestana ot zavoevaniya russkimi do revolyutsii 1917 goda)* [Turkestan – a colony (An outline of the history of Turkestan from the Russian conquest to the 1917 revolution)]. M.: Izdanie Komm. Un-ta Trudyashchikhsya Vostoka imeni I.V. Stalina. 235 p. [in Russian]
- Galuzo, 1963** – *Galuzo, P.* (1963). *K istorii kolonial'noi ekspluatatsii Kazakhstana v kontse XIX – nachale XX v. (Na materialakh yuzhnykh raionov Kazakhstana)* [On the history of colonial exploitation of Kazakhstan in the late 19th and early 20th centuries (Based on materials from the southern regions of Kazakhstan)]. *Ob osobennostyakh imperializma v Rossii*. M.: Izd-vo AN SSSR. 440 p. [in Russian]
- Galuzo, 1968** – *Galuzo, P.* (1968). *Kolonial'naya sistema rossiiskogo imperializma v kanun Oktyabr'skoi revolyutsii* [The colonial system of Russian imperialism on the eve of the October Revolution]. *Kazakhstan v kanun Oktyabrya*. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR. [in Russian]
- Gasparov, 1997** – *Gasparov, B.* (ed.) (1997). *Kazan', Moskva, Peterburg: Rossiiskaya imperiya vzglyadom iz raznykh uglov* [Kazan, Moscow, St. Petersburg: the Russian Empire from different perspectives]. Pod red. B. Gasparova. M.: O.G.I. 414 p. [in Russian]
- Howe, 2002** – *Howe, S.* (2002). *Empire: A Very Short Introduction*. Oxford University Press.
- Illeritskaya, 2023** – *Illeritskaya, N.V.* (2023). «Imperskii povorot» v izuchenii rossiiskoi istorii: sovremennye interpretatsii [The 'imperial turn' in the study of Russian history: contemporary interpretations]. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*. 4. Ch. 2. Pp. 158-169. [in Russian]
- Iversen, 1873** – *Iversen, V.* (1873). *Otchet o poezdke na Moskovskuyu politekhnicheskuyu vystavku* [Report on a trip to the Moscow Polytechnic Exhibition]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 1873. 1: 204-221, 507-525. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – *Kappeler, A.* (2000). *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia as a Multinational Empire]. M.: «Traditsiya» – «Progress-Traditsiya». [in Russian]
- Kundakbaeva, 2011** – *Kundakbaeva, Zh.B.* (2011). *Imperskii algoritm v izuchenii istorii Rossii: tendentsii sovremennoi istoriografii* [The imperial algorithm in the study of Russian history: trends in contemporary historiography]. Sait Instituta istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valikhanova. [Electronic resource]. URL: <https://iie.kz/?s=Kundakbaeva&lang=kk> [in Russian]
- Lenin, 1969** – *Lenin, V.I.* (1969). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. T. 26. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. [in Russian]
- Lur'e, 2012** – *Lur'e, S.V.* (2012). *Imperium. Imperiya – tsennostnyi i etnopsikhologicheskii podkhod* [Imperium. Empire – a value-based and ethnopsychological approach]. M.: AIRO-XXI. [in Russian]
- Manz, 1994** – *Manz, B.F.* (1994). *Central Asia in Historical Perspective*. Westview Press.
- Marchenya, 2013** – *Marchenya, P.P.* (2013). *Kontsept imperii kak predmet mul'tidistsiplinarnogo issledovaniya* [The concept of empire as a subject of multidisciplinary research]. *Filosofskie issledovaniya i sovremennost'*. Vyp. 2. M.: ID Akad. im. N.E. Zhukovskogo. Pp. 117-136. [in Russian]
- Marmontova i dr., 2024** – *Marmontova, T.V., Tazhibaev, A.T., Drogovoz, A.I.* (2024). *Novyi vzglyad na staruyu epokhu: Kazakhskaya step' i Rossiiskaya imperiya cherez prizmu statistiki* [A new look at an old era: The Kazakh steppe and the Russian Empire through the lens of statistics]. Astana: IP Bulatov A.Zh. [in Russian]
- Masoero, 2016** – *Masoero, A.* (2016). *Kolonizatsiya v pozdneimperskoi Rossii: istoriya ponyatiya* [Colonisation in late imperial Russia: the history of the concept]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sb. nauchn. trudov*. Omsk: Poligraficheskii tsentr KAN. [in Russian]

- Miller, 2006** – *Miller, A.I.* (2006). Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii [The Western peripheries of the Russian Empire]. M.: NLO. [in Russian]
- Moiseev, 2001** – *Moiseev, V.A.* (2001). Rossiya – Kazakhstan: sovremennye mify i istoricheskaya real'nost' [Russia–Kazakhstan: contemporary myths and historical reality]. Barnaul: Altaiskii universitet. [in Russian]
- Morrison, 2015** – *Morrison, A.* (2015). «My ne anglichane...» K voprosu ob isklyuchitel'nosti rossiiskogo imperializma ["We Are Not the English...": On the Question of the Exceptionalism of Russian Imperialism]. *Vostok Svyshe*. 3 (XXXVIII): 69-78. [in Russian]
- Morrison, 2021** – *Morrison, A.* (2021). The Russian conquest of Central Asia. A study in Imperial Expansion. 1814–1914. Cambridge University Press.
- Novitskii, 1913** – *Novitskii, V.F.* (ed.) (1913). Voennaya entsiklopediya [Military encyclopedia]. T. 1-18. SPb: T-vo I.D. Sytina, 1911–1915. T. 13: Koblents – Kruz. [in Russian]
- Okun' i dr., 1935** – *Okun', S.B. Drezhen, A.K. Al'kor, Ya.P.* (1935). Kolonial'naya politika tsarizma na Kamchatke i Chukotke v XVIII veke: Sb. arkhivnykh materialov [Colonial policy of tsarism in Kamchatka and Chukotka in the 18th century: Collection of archival materials]. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR. 212 p. [in Russian]
- Olcott, 1987** – *Olcott, M.B.* (1987). The Kazakhs. Stanford University Press.
- Parsamyan, 1940** – *Parsamyan, V.* (1940). Kolonial'naya politika tsarizma v Armenii [The colonial policy of tsarism in Armenia]. Erevan: ArmFAN. [in Russian]
- Petrushevskii, 1936** – *Petrushevskii, I.P.* (ed.) (1936). Kolonial'naya politika rossiiskogo tsarizma v Azerbaidzhane v 20-60-kh gg. XIX v. [The colonial policy of Russian tsarism in Azerbaijan in the 1820s–1860s.]. Pod red. I.P. Petrushevskogo. Ch. 1. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. [in Russian]
- Popov, 2025** – *Popov, E.V.* (2025). Amerikanskaya istoriografiya o problemakh "imperskogo proekta" v period pereselencheskoi politiki v Rossii vo vtoroi polovine XIX nachale XX v [American historiography on the problems of the “imperial project” during Russia’s resettlement policy in the late nineteenth and early twentieth centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 9: 97-107. [in Russian]
- Potantin, 2005** – *Potantin, G.N.* (2005). Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri [The conquest and colonization of Siberia]. Izbrannye sochineniya: T. 3. Pavlodar: EKO. [in Russian]
- Ramazanov, 1956** – *Ramazanov, Kh.* (1956). Kolonial'naya politika tsarizma v Dagestane v pervoi polovine XIX v. [The colonial policy of tsarism in Dagestan in the first half of the 19th century]. Makhachkala. [in Russian]
- Remnev, 2011** – *Remnev, A.* (2011). Kolonial'nost', postkolonial'nost' i "istoricheskaya politika" v sovremennom Kazakhstane [Coloniality, postcoloniality, and “politics of history” in contemporary Kazakhstan]. *Ab Imperio*. 1: 169-205. [in Russian]
- Safarov, 1921** – *Safarov, G.* (1921). Kolonial'naya revolyutsiya (Opyt Turkeстана) [The colonial revolution (the experience of Turkestan)]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. [in Russian]
- Sakharov, 1999** – *Sakharov, A.N.* (ed.) (1999). Rossiya v XX v.: problemy natsional'nostei [Russia in the 20th century: ethnic issues]. M.: Nauka [in Russian]
- Shorkovits, 2021** – *Shorkovits, D.* (2021). Byla li Rossiya kolonial'noi imperiei? Chast' 1 [Was Russia a colonial empire? Part 1]. *Nomadic civilization: historical research (Kochevaya tsivilizatsiya: istoricheskie issledovaniya)*. 1(2): 86-104. [in Russian]
- Sili, 1903** – *Sili, J.R.* (1903). Rasshirenie Anglii. Dva kursa lektsii [The expansion of England. Two lecture courses]. SPb.: Izdatel'stvo O. Popovoi. [in Russian]
- Suleimenov, 1963** – *Suleimenov, B.S.* (1963). Agrarnyi vopros v Kazakhstane poslednei treti XIX – nachale XX v. (1867–1907 gg.) [The Agrarian Question in Kazakhstan in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1867–1907)]. Alma-Ata: AN KazSSR. [in Russian]
- Vasil'ev, 2022** – *Vasil'ev, D.V.* (2022). Postup' imperii: Politika Rossii v Tsentral'noi Azii: XIX – nachalo XX v. [The march of Empire: Russia’s policy in Central Asia from the nineteenth to the early twentieth century]. M.: Nestor-Istoriya. [in Russian]
- Vitkind, 1929** – *Vitkind, N.Ya.* (1929). Bibliografiya po Srednei Azii : (ukazatel' literatury po kolonial'noi politike tsarizma v Srednei Azii) [Bibliography on Central Asia: (index of literature on the colonial policy of tsarism in Central Asia)]. Moskva: Izd-vo Kommunisticheskogo universiteta trudyashchikhsya Vostoka im. I.V. Stalina. 165 p. [in Russian]
- Voshinin, 1914** – *Voshchinin, V.P.* (1914). Ocherki novogo Turkeстана: Svet i teni russkoi kolonizatsii [Essays on the New Turkestan: Light and Shadows of Russian Colonisation]. SPb.: tipografiya «Nash vek». [in Russian]
- Vyatkin, 1941** – *Vyatkin, M.P.* (1941). Ocherki po istorii Kazakhskoi SSR. S drevneishikh vremen po 1870 g. [Essays on the History of the Kazakh SSR: From Ancient Times to 1870]. T 1. M.: GOSPOLITIZDAT. [in Russian]
- Yadrintsev, 1882** – *Yadrintsev, N.M.* (1882). Sibir' kak koloniya: Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee [Siberia as a colony: the contemporary situation of Siberia, its needs and demands, its past and future]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Российская империя как колониальная империя: казахстанский контекст

Еркин Аманжолулы Абиля ^{a, *}, Аманжол Кузембайулы ^b

^a Мажилис Парламента Республики Казахстан, Республика Казахстан

^b Костанайский региональный университет им. А.Байтурсынова, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается колониальный характер Российской империи в рамках современных сравнительных имперских и постколониальных исследований. Анализируются продолжающиеся историографические дискуссии о природе российской имперской экспансии и критически осмысливаются интерпретации, отрицающие или релятивизирующие её колониальное измерение, в частности концепция «самоколонизации» России. Опираясь на широкий корпус историографических трудов, научных и справочных изданий имперского периода, а также постсоветских исследований, автор использует сравнительно-исторический и дискурсивно-аналитический методы для переоценки структурных характеристик российского имперского владычества.

Проведённый анализ показывает, что континентальная форма расширения Российской империи не отменяет её колониального характера, а представляет собой специфическую пространственную модальность колониализма. В статье обосновывается тезис о том, что ключевые признаки классических колониальных империй – институционально-правовая асимметрия между центром и периферией, экстрактивный характер экономических отношений и культурная иерархизация – были присущи и российской имперской модели. Особое внимание уделяется территории современного Казахстана, которая интерпретируется как часть колониального пространства Российской империи. Включение казахских земель сопровождалось военным завоеванием, созданием особых административных режимов, ограничением политического представительства и переориентацией региональной экономики на потребности метрополии.

В заключение делается вывод о том, что включение российского имперского опыта, включая казахстанский кейс, в глобальную историю колониализма позволяет сформировать более аналитически обоснованное понимание механизмов имперского управления, выходящее за пределы национально-центричных или идеологически обусловленных нарративов.

Ключевые слова: Российская империя, колониализм, континентальная империя, сравнительная имперология, Казахстан, колониальная экспансия, метрополия и периферия, колониальный дискурс, внутренняя колонизация, постколониальные исследования.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yerkinabil@gmail.com (Е.А. Абиля), topai240345@mail.ru (А. Кузембайулы)